

МИРОВАЯ КЛАССИКА

Мистические рассказы

*Гарсиа Маркес, Астуриас,
Борхес, Кортасар, Фуэнтес*

Мигель Астуриас

Хуандо Прикованный

Астуриас М. А.

Хуандо Прикованный / М. А. Астуриас —

В увлекательных рассказах популярнейших латиноамериканских писателей фантастика чудесным образом сплелась с реальностью: магия индейских верований влияет на судьбы людей, а люди идут исхоженными путями по лабиринтам жизни. Многие из представленных рассказов публикуются впервые.

Мигель Анхель Астуриас

Хуандо прикованный

Она, Карденала Сифуэнтес, ни в чем его вслух не упрекнула (говорили только глаза, только руки). Слов не было. У него слов не было. Не знал, как сказать. Были не то хрипы, не то стоны от своей тоски, от холода в спине, от струек пота, обращавших его в лейку с крупными порами, влажнивших тело, голову, ладони. Почему, почему он ничего не говорил Карденале? Правда, слова пришли. Немногие. Очень немногие. Несколько червяков, вползших в долгую тишину. В конечном итоге. Так можно сказать теперь, когда строятся в ряд отдельные эпизоды, очень разные, но связанные один с другим каким-то фатальным образом.

Море безудержных слез. Иногда он, бывало, всплакнет. Раньше. Карденала его стыдила. Но на этот раз она тоже заплакала. В одиночестве. После того как он ушел. Не ушел, а заснул. Это одно и то же. Она рыдала, зажимая руками рот, чтобы не разбудить его громкими вздохами. И все бормотала, судорожно всхлипывая, все приговаривала. Вот если бы ангел ее остерег. Ангел-хранитель. Конечно, ничего бы и не случилось, если бы Ангел-хранитель ее остерег, конечно...

В жизни-то все бывает. Неправда, что не бывает. Только было это как страшный сон. Мы, женщины, глупые. Все или нет, не знаю, а вот я дура, ох дура в юбках. И зачем я пошла с ним туда, где его заколдовали или голову ему задурили? Когда он напился пьяный, ему кто-то и велел сходить в лес. А в тот день он напился, потому что не мог удержаться. Непривычный он пить. А в тот день сильно выпил. Не удержался, жажда его одолела. Но жажда была особая, как он говорил, потому что само по себе спиртное ему противно, запах, цвет, белесая муть, но что-то толкало пить, какое-то душевное беспокойство тянуло, равно как свет или как слово.

В общем, напился он сильно и без всякой на то причины, а в этом и был почин колдовства или кто его знает, как прозывается эта неведомая сила. Может, это... Нет, нечистая – нет... Но она неведомая, потому что колдовская... Да, и такая, и такая... Ладно, какая есть. Главное, что она есть. Спиртное ударило ему в голову, и он уже ничего не соображал, когда вдруг услышал, как кто-то его окликает, а она-то, глупая, сама толкнула его навстречу гибели. Хоть бы Ангел-хранитель ее остерег. Хоть бы путь им преградил своим мечом огненным, когда брели они, как две продрогшие тени, утопая в грязи, по тропке, раскисшей после дождей. И уже тогда являлись им странные видения. Дождь изрешетил воздух квадратными оконцами. И все вокруг они «примечали» – Карденала употребила слово «примечали» вместо «видели» – сквозь оконца, как сквозь нарисованную решетку.

У ветра был уксусный запах киснувшей зелени. Их никто не подстегивал. Они шли сами. Их ноги. Но почему ноги так слушались? Ведь могли бы и не послушаться. Если бы вышел Ангел-хранитель и дал им подножку. Тогда бы они упали и, может, одумались, остановились бы. Но они шли и шли, как замороженные. Друг за другом. Хуан – впереди. Хуан дойдет. Хуан – до. (Это и не было его именем, и было. Его звали Хуаном, но свет он увидел до рождения своего брата-близнеца, который родился мертвым, и потому прозвался он «Хуандо».) Шел он как во сне, то исчезая, то появляясь в ватном воздухе, во влажной ватной ночи – беззвездной, прокисшей, как гниющая зелень. А она шла сзади, словно в спину толкая его, как злая судьба, чтобы не повернул он вспять, не пал духом, ибо они вместе решили, что Хуандо туда пойдут. Мужчина есть мужчина, не ему испытаний бояться. И Хуандо был должен себя испытать. Показать себя Карденале. Была и надежда, что найдет свое счастье, счастье для двоих, свой добрый огонь. Ведь земля полна добрых и дурных огней. Сильно верилось, что встретится им добрый свет. Будет светлая жизнь. Те, кто так живет, говорят, что жизнь эта похожа на рай

земной. Тут и сомневаться нечего. Так говорила Антония. Нет, не от нее она это слышала. Она, Карденала, не водилась с Антонией. Слышала от Сабины. И не прямо от Сабины, а от ее свояченицы Лусианы. Вот от кого она узнала. Если огонь, который повстречается, – добрый, он волчком по траве пляшет; как его заметишь, глазам своим не веришь, а душа радуется. Это – огонь долгой жизни, доброго здоровья, добрых известий, успешных дел. Он не чувствуется, а за пальцы цепляется. Не дается, а руки лижет. И так согревает, так согревает между двумя небытиями, в то короткое время, когда можно забыть, что ты простой смертный и что смерть стоит за спиной.

Хоть бы встретить добрый огонь. Карденала была уверена, что они встретят. И потому она торопила его, как шпора, шпора зубастая, с косами, с глупыми речами. Она шла сзади, Хуандо не повернет назад, не струсит, пойдет навстречу своей судьбе. Какой бы она ни оказалась... Нет, только хорошей, в этом Карденала была так же уверена, как в том, что ее зовут Сифуэнтес, Карденала Си-фуэнтес, уверена, что они встретят добрый огонь, счастье, чудо, благополучие, радость, все такое, чего и не представишь.

Если другие его находили, почему же им не встретить на пути добрый огонь? Вот именно. Только не останавливаться, скорее пробежать эти первые лиственничные рощи, раздетые, с голыми стволами и ветками.

Хуандо – впереди, молча. Она – сзади, молча. И без боязни. И с жуткой боязнью. Шаг за шагом. Иногда каждый шаг был как плюханье жабы в грязь. Ночные птицы, кролики, бегущие от людей, шелест скользящих гадюк – это не ее слово, не Карденалы, она робко называла змей «зверушками». Опасности, опасности. Она вздрагивала, вспоминая о них. Если бы вместо доброго огня им встретилась огромная гадюка, из тех, что выползают на землю темной ночью. Нет, ничего такого быть не могло. Хуан-До, когда выпил лишнего, хорошо слышал, как его кто-то окликнул, велел пойти разыскать костер, полыхающий среди леса. А потом подступить к самому костру и успеть до того, как пламя обожжет, нагнуться и что-то взять с земли, выполнить данный ему наказ. Не иначе как сокровище там будет найдено. И эта мысль тоже ускоряла их шаг, хотя так легко было упасть и сломать себе ноги... Тропка шла на подъем. Не только крутой, но и скользкий. Дождик, мелкий, морозящий, будто слюнявил землю. Каждый шорох настораживал их обоих, особенно Карденалу Сифуэнтес. Много всякого зверья бежит ночью в потемках. Чьи-то глаза то там, то здесь огоньками буравили губчатый мрак, словно одевший землю покрывалом из всяких мошек, у которых роса размочила крылышки. Каждый день на заре крылышки тьмы насекомых, одетых в траур, высыхают, и потому ночь потихоньку начинает отлетать и исчезает, но никому не ведомо, куда она девается, в каких местах прячется. Ведь где-то надо поместиться такой уйме тумана и мглы.

– Хуандо, – крикнула Карденала, – мы идем, идем, а все нет ничего!

Но Хуандо ее не слышал. Не отвечал. Даже голову не повернул. Свою укутанную мглой голову в соломенном сомбреро. Только его белая шляпа, только она одна и маячила впереди. Если бы не это белое пятно, Карденала потеряла бы своего мужа из виду. Не различила бы его голову во тьме, во тьме мошкар.

Он шел и шел вперед. Не останавливаясь. Не призадумываясь. Выкинув себя из себя, перестав быть тем, кем всегда был. Человеком разумным, предусмотрительным, не способным на шалые выходки. Другой Хуандо влез в его кожу. Заполонил все нутро, добрался до мозга костей. Шел Хуандо неистовый, сведенными пальцами сжимавший рукоятку мачете, вперивший зрачки в невидимое, ибо впереди мало что различалось, кроме того места, куда ступала нога. Что с ним стряслось? Куда он шел? Кто его влек?

Зря... зря размяк он и рассказал Карденале то, что услышал, когда отсыпался после пьянки, которую устроил себе вдруг посреди недели, хотя и не праздновал ничего, и горе не заливал, и злобу не распалял.

– А ты хорошо слышал, в какую ночь тебя пригласили прийти? – так начала Кардена-ла свою голубиную воркотню, а точнее сказать – сорочью трескотню. И всю затрещала сорокой: – Ну, так если ты все слышал и тебя пригласили, надо идти или нет? Где одному везет, там и другому может повезти, я уверена...

– Ни в чем ни будь уверена, – оборвал он ее, подумав, что лучше бы проглотил язык, чем рассказал ей то, что ему послышалось в пьяном угаре.

– Коли бы я знала, что ни в чем не могу быть уверена, я бы посчитала, что не мужчина взял меня в жены, а настоящий слюнтяй. Ты никогда не знаешь, чего хочешь; не ведаешь, куда гнешь.

– Теперь-то я знаю, но... – стал он сдаваться, – но только не знаю, идти ли по этому странному зову, идти ли на поиски этого огня.

– А если огонь принесет нам счастье...

– А если нет? – прервал ее Хуандо, но и сам загорелся; у него тоже закопошились, замесались в голове баламутные мысли: вдруг привалит богатство, вдруг добрый огонь укажет путь к сокровищам, скрытым в горах.

– А если нет, мы ничего не потеряем. Но ведь ты говорил, что голос сказал тебе: увидишь огонь, а рядом сумку, большую сумку... Да это же счастье, Хуандо, счастье само нам в руки дается, – возрадовалась Кардена-ла. – В этой суме мы найдем миллион золотых монет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.